

Ольга Боочи

ЖЕНЩИНЫ
в ПУСТОТЕ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ольга Боочи

Женщины в пустоте

«Автор»

2020

Боочи О.

Женщины в пустоте / О. Боочи — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-04714-3

Повесть «Женщины в пустоте» состоит из трёх женских монологов. Героини рассказывают об одном моменте своей жизни, который когда-то стал для них переломным, хотя и был на протяжении времени сокрыт в череде других событий. В каждой из трёх историй раскрывается тема отношений с самыми важными для человека фигурами: с матерью, с отцом. С Богом. Но главной темой рассказов являются отношения человека с самим собой. Рассказчицы так до конца и остаются безымянными, и остаётся неизвестным, как сложилась жизнь этих женщин впоследствии, и откуда (из какой пустоты) звучат теперь эти женские голоса. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-04714-3

© Боочи О., 2020

© Автор, 2020

Содержание

ПЯТАЯ ТРОЯ	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	9
Глава 5	11
Глава 6	13
Глава 7	15
Глава 8	17
Глава 9	18
Глава 10	20
Глава 11	23
Глава 12	24
Глава 13	26
Глава 14	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ольга Боочи

Женщины в пустоте

ПЯТАЯ ТРОЯ

Глава 1

Должно быть, с одинокими людьми это иногда случается: без всякой причины они начинают вдруг вспоминать человека из прошлого, и эти воспоминания вспыхивают в них с такой силой, что перестают быть просто воспоминаниями. Однажды я читала, что и вовсе не бывает воспоминаний, как таковых. Человек заново проживает давнюю историю, проходя прежними путями шаг за шагом, и заново чувствует всё то, что чувствовал тогда.

В четырнадцать лет (четырнадцать мне исполнилось за месяц с небольшим до этого) я познакомилась с мужчиной. У нас было лишь одно свидание, и после этого мы никогда не виделись. История достаточно короткая, и одной ночи хватило бы с лихвой, чтобы вспомнить всё, даже со всеми подробностями.

Теперь уже я не помнила лица этого мужчины, помнила только своё впечатление от этого лица, от его внешности в целом.

Он тогда показался мне некрасивым и старым, старше того возраста, который он назвал, но я помню также, что всерьёз меня это не отталкивало и вряд ли хоть что-то для меня решало. У него была неровная пористая кожа на щеках и плохие зубы. Тёмные, почти чёрные, невыразительные глаза. В волосах Якоба, как его звали, была, кажется, седина; или, может быть, так мне представлялось теперь потому, что с тех пор я не раз видела вблизи головы с волосами похожего цвета и порой замечала в них седину, чаще незначительную, отдельные волоски, которые в светлой шевелюре были бы почти незаметны.

Он сказал мне, что недавно попал в автомобильную аварию, и просил меня идти медленнее. Это мне не понравилось, я не любила медленно ходить и потому не увидела в его просьбе ничего, кроме желания как-то ограничить мою свободу.

На его теле были шрамы – я увидела их потом, когда на набережной он снял рубашку, – шрамы были странной формы, неаккуратные, рваные и багровые, но мне было неловко, и я не решалась их рассматривать. Тело его, как и лицо, не было красивым, но оно было вполне мужским.

К тому моменту, когда я увидела его без рубашки, незадолго перед этим, он уже прижимал меня к себе, силу его рук я уже чувствовала, и потому его тело меня не отталкивало, я лишь немного отвлечённо сожалела, что он не выглядит красивее. Собственные несовершенства занимали меня в тот момент куда больше.

Это было всё, что я могла теперь вспомнить, я не разглядывала его тогда, не старалась запомнить, и потому не было никакой возможности сейчас увидеть его лучше, разглядеть больше, чем я захотела увидеть тогда.

За эту первую ночь воспоминаний я заново пережила всё, что помнила. Пережила так ярко, что мне не захотелось возвращаться к действительности.

Весь следующий день я была словно не в себе. Но уже к вечеру воспоминания начали остывать и блекнуть со стремительной быстротой. Изображение выцвело и стало неживым, история была отторгнута, будто произошла с кем-то другим, но я не хотела её отпустить.

Моя неспособность справляться с чувствами всегда казалась мне катастрофичной. Если приходили чувства, то они захватывали меня целиком, и я не могла уже сосредоточиться ни на чём другом; я распадалась на части и мне приходилось бороться с собой, чтобы выполнять даже простейшие ежедневные обязанности.

К счастью, я всегда была скорее человеком рассудочным и влюблялась, как мне кажется, всего раз или два за всю мою жизнь.

Наверное, по этой же причине я не любила кино.

Эмоционально я не успевала за развитием сюжета в том времени и с той скоростью, в котором фильм был снят. Всё было чересчур: слишком много событий, слишком сильные и грубые чувства, сам визуальный ряд, который я воспринимала как агрессивный. Я испытывала что-то похожее на перегрузки, и если я не могла ставить воспроизведение на паузу, то быстро уставала от фильма и переставала его смотреть.

Читать и писать я всегда любила больше.

Когда-то очень давно, задолго до окончания школы и поступления на филологический факультет, я вела дневники; первую тетрадь я начала, должно быть, лет в двенадцать. Но лишь в тот момент, когда я встретила Якоба, у меня наконец появилось, о чём в ней писать.

Ни переход в новую школу (я потеряла целый год, фактически я была в тот момент второкурсницей и ужасно этого стеснялась), ни бытовые мелочи из моей домашней и школьной жизни не были, конечно, тем самым, о чём мне хотелось бы рассказывать. Дневник словно подразумевал записи о другом, о сердечных переживаниях, подталкивал к ним, и описывая, довольно подробно, свою жизнь день за днём, я словно бы сама себя ежедневно отвлекала от того, что в моей жизни пока ничего не происходит.

За годы юности у меня накопилось довольно много исписанных тетрадей; я всё ещё изредка, по привычке, тянулась к ним теперь, если и не физически, то мысленно – к знакомой полке и к ящику стола, где они лежали, как тянулась иногда за книгой или словарём, что были у меня когда-то в юности и были тогда привычны.

Протягивая к ним руку, я нащупывала теперь ладонью чужой стол и утыкалась взглядом в чужие полки и этажерки. Это до сих пор рождало во мне кратковременную пространственную растерянность, иногда проходившую так быстро, что я не успевала уловить её и зафиксировать в сознании.

Я словно шарила рукой в пустоте, не в силах дотянуться до собственного прошлого.

И дневники, и мои старые книги хранились в доме моей матери, на другом конце города, доступ к ним не был для меня перекрыт, но город этот иногда казался огромным, как море, особенно для этого бессознательно-привычного движения руки, которая не находила того, что искала.

Глава 2

Я просыпалась одна.

Я никак не могла привыкнуть к тишине, и меня преследовало ощущение, что сюда вот-вот должен кто-то прийти, кто-то, кто имеет на эту квартиру больше прав, чем я.

Я вставала и решала, чем я займусь сегодня, как я распланирую свой день. В отсутствии общения, обмена планами на день, как это обычно бывает между людьми, когда они живут с кем-то, планы эти словно бы не могли до конца оформиться. Для того чтобы обрести реальность и вес, им необходимо было хотя бы простое звуковое оформление, но в этой квартире я с трудом заставляла себя преодолевать тишину даже наедине с собой, словно молчание здесь было вязким, а мне самой недоставало плотности, чтобы победить тишину, скопившуюся среди чужих стен и чужих вещей за долгие годы.

В этой квартире я чувствовала себя самозванкой; быть может, так было потому, что все переговоры с хозяевами вёл в основном А.Д., и это его имя стояло в договоре. Хозяева знали, что теперь здесь живу я, и что А.Д. здесь больше не живёт, но мне всё равно не хватало чего-то существенного для ощущения своей легитимности; я чувствовала себя так, будто вселилась сюда самовольно, словно я не имею права жить здесь.

Может быть, я не готова была жить одна. Или, может быть, мне следовало найти другую квартиру, где было меньше воспоминаний. О последнем, впрочем, речь не шла, средств для поиска жилья у меня всё равно не было.

Так, вздрагивая от звуков, в ожидании того, что кто-то должен прийти, позвонить в дверь или открыть дверь своим ключом, я готовила себе завтрак и пила кофе.

После завтрака день кое-как сдвигался с мёртвой точки, и в течении дневных часов я почти не замечала квартиру, молчавшую вокруг меня. Нужно было закончить редактировать текст, нужно было сделать какие-то бытовые, житейские вещи. Часто бывали дни, когда я за весь день ни разу не нарушала молчания, не произносила ни единого слова, обращённого к другому человеку, ни лично, ни по телефону, ни в переписке даже, и день, не озвученный, ничем не отмеченный, не отграниченный от других дней, так и заканчивался, проваливался в небытие.

Мысли возвращались вечером, в тот момент, когда я ложилась спать. Этот момент тоже был произвольным, я могла ложиться спать, когда захочу, время моего отхода ко сну никак не зависело от внешних причин, ничем внешним не было обусловлено, и эта свобода сама по себе каждый раз напоминала мне о той странной, тоже никакой причиной не вызванной, изоляции, в которой я оказалась.

Глава 3

Может быть, детские дневники были лишь предлогом приехать сюда. Я поднялась по лестнице и остановилась перед знакомой дверью.

Я знала, что моя мать на даче и дома никого нет. Я открыла дверь своим ключом и вошла. Воздух в квартире был неподвижен, окна занавешены и наглухо закрыты.

Коробка с моими тетрадами и блокнотами была в комнате, на шкафу, на самом верху, под потолком. Когда я доставала её, на меня посыпалась меловая пыль, и я вспомнила, что потолки здесь так и остались белёные мелом.

Кажется, мать за все эти годы ни разу не притрагивалась к этой коробке, такой ровный слой пыли её покрывал. Да она и не стала бы читать. Иногда мне казалось, что мать никогда не читала моих дневников из чувства самосохранения, чтобы вдруг не узнать обо мне что-то такое, чего нельзя будет просто забыть. Чего-то, с чем она не сможет справиться.

Я поставила коробку на пол и осторожно, чтобы не поднять облако пыли, открыла её.

Ту тетрадку я узнала.

Почерк был забытый, незнакомый и старательный – таким он казался мне пару мгновений, потом я его вспомнила.

Я пролистала тетрадь до конца. Мелькали вырванные из контекста фразы, и с опозданием на мгновение я вспоминала, о чём я тогда писала, о чём шла речь. Это было похоже на плохую видеозапись, где картинка запаздывает, не совпадает со звуком.

Страницы были выгоревшие, как у тех книг, что читаются летом на пляже. Тем летом я много бродила по городу и часто писала, сидя на набережной или на смотровой площадке в городском кремле. Но о Якобе, я помню, я писала ночью, на кухне моей тётки.

Я едва дождалась тогда, чтобы все в доме легли спать. Кажется, на той ночной кухне я впервые и пережила по-настоящему то, что произошло днём в кинотеатре – в одиночестве, на чужой кухне, когда никто, даже сам Якоб, мне больше не мешал, не наблюдал за мной, и я могла быть собой.

Я положила тетрадь в сумку и задвинула коробку обратно на шкаф. Я была вся в белой пыли, но, оглядевшись вокруг, я не увидела следов, которые выдавали бы моё посещение.

Обстановка была бедной, всё было потёртым и изношенным – только живя здесь, как я в юности, можно было этого не замечать. Отчего-то мне не хотелось, чтобы мать догадалась о моём посещении, словно я боялась, что она каким-то образом может снова меня сюда затянуть.

Глава 4

Думаю, что примерно лет в четырнадцать, а может, годом раньше или позже, я как раз прочитала тот самый роман русского писателя-эмигранта, что оставил человечеству в наследство само слово «нимфетка», но ни тогда, ни после, у меня не возникало сомнений в том, что я нравилась Якобу как женщина, а не как красивый ребёнок.

Моих фотографий тех лет у нас дома не было, первые снимки, после детских, относились ко времени несколькими годами позже, и, насколько я понимаю, на них я была уже совсем другая. Поэтому я могла лишь примерно представить себе, как выглядела тогда, могла лишь вспомнить, какой сама себя тогда считала. Я не нравилась себе.

Потом, впоследствии, я сильно похудела и больше, кажется, никогда не давала воли своему телу, но в тот год моё тело менялось слишком быстро, и я, сознательная часть меня, не успевала за этими изменениями. Должно быть, в то лето я выглядела такой, какой меня задумала природа, и моё тело было скорее женственным и мягким, скорее женским, чем девичьим. Разве что кисти рук и лодыжки мои были тонкими и худыми, ими я была довольна, ими я могла гордиться.

Со всей прямоотой, на которую он, кажется, был горазд, Якоб мне сказал, что у меня «есть всё, что нужно» и что он считает меня очень красивой девушкой.

На комплименты он вообще не скупился, я и половине его слов не верила.

Мне казалось, он был бы только рад, если бы я была старше. Возможно, в его глазах я даже выглядела старше, была почти взрослой девушкой.

Он был ещё чужим для меня человеком, он сидел напротив меня со своим тёмным лицом и чужими, разглядывающими, глазами. Мне казалось, я даже теперь помнила, насколько чуждым он был мне в тот момент – посторонний взрослый мужчина, задающий вопросы.

Он задавал мне вопросы, и эти вопросы, даже самые невинные, смущали меня, кажется, я невольно старалась ответить на них правильно, и, казалось, не всегда угадывала. Он слушал придирчиво и критично, словно был не столько поклонником, потенциально «влюблённым» в меня, сколько взрослым человеком, мужчиной, слушающим детские или, быть может, женские глупости.

Ещё я хорошо запомнила анекдоты. Я не любила анекдоты вообще: мне казалось, что их рассказывают друг другу люди, когда им совсем не о чем говорить, – но анекдоты, которые рассказывал мне он, были к тому же грубы и неприличны. Ни один взрослый, из тех, кого я знала, не стал бы рассказывать мне такие истории, и они меня шокировали и даже оскорбляли. Я не понимала, как должна реагировать на них, но я не решалась уйти и не решалась даже сказать ему, что мне это не нравится.

Возможно, он понял это сам, потому что я не помню, чтобы во вторую нашу встречу он рассказывал мне такое снова. Я не исключала даже, что он таким образом проверял меня, пытался определить, к какой категории женщин меня можно отнести. Возможно, приличные женщины и не должны были смеяться на этими анекдотами. Хотя я не исключала также, что ему самому они нравились, были вполне в его вкусе.

Я не помню, о чём он спрашивал меня до этого, должно быть, ни о чём серьёзном. Потом он сказал: "Можно задать тебе нескромный вопрос?"

Я ответила: «Отвечать обязательно?» Или, может быть: «Я должна буду отвечать?»
"Желательно", – сказал он.

Я кивнула, и он спросил, был ли у меня кто-нибудь, был ли у меня уже мужчина.

Наверное, я могла бы ответить, что это его не касается. На самом деле, не знаю, почему я стала отвечать. Впрочем, кажется, вопрос не очень-то меня и удивил. Может быть, я так себе и представляла общение между мужчинами и женщинами. У меня не было никакого опыта в этом деле, настолько никакого, что я стеснялась этого и даже выдумала одноклассника, с которым якобы целовалась. Но вряд ли я могла бы соврать о том, что у меня когда-нибудь был мужчина. Даже мелкая ложь про поцелуи заставила меня мучительно покраснеть, и я боялась, что он мне не поверил.

Я ответила: "Нет".

Он воспринял мой ответ серьезно, кажется, это было важно для него. Он даже не слишком это скрывал.

Может быть, ощущение другой культурной традиции, к которой он отчасти принадлежал – традиции народа более древнего, ровесника библейской ветхозаветной истории, принявшего христианство куда раньше, чем оно пришло на Русь, – делало всё то, что было между нами, непротивоестественным, имеющим право быть, может быть, даже почти нормальным.

Вот, кажется, он сидел и всерьёз проверял, гожусь ли я ему в жёны, гожусь ли я в матери его будущих детей.

Я подумала: возможно, мужчины, не имеющие генетической памяти о том, что такое жениховство нормально и допустимо, не могли бы вести себя так с девочкой, которой было только четырнадцать.

Глава 5

Я не так уж часто вспоминала А.Д. в последнее время, хотя в квартире, где я жила, всё ещё кое-где порой попадались его вещи. Какая-то, скорее ментальная, чем физическая лень мешала мне сложить их все в дальний угол шкафа или даже выкинуть.

Теперь я вдруг вспомнила один наш разговор с А.Д., кажется, это было ещё в самом начале наших отношений. Не помню, почему мы заговорили об этом.

Даже когда мы с А.Д. были вместе, он не казался мне очень умным человеком, часто он говорил то, что вовсе не следовало бы говорить. В общем и целом, он лишь повторил тогда то, что я много раз и во многих выражениях слышала и читала раньше, с тех пор, как в школе мы под партой листали девичьи подростковые журналы. Везде, довольно пафосно, говорилось о том, что своего первого мужчину женщина запоминает на всю жизнь. А.Д. лишь повторил эту расхожую истину и добавил, что по этой причине каждый мужчина мечтает о сексе с девственницей. Чтобы она запомнила его навсегда. Он не сказал ничего нового. И всё-таки теперь я почувствовала знакомое, бывшее когда-то привычным, раздражение, которое А.Д., этот человек, во меня вызывал, и которое, мне казалось, я давно преодолела.

«Ничтожество. Пародия на мужчину, – подумала я. – Несчастлива та женщина, у которой первым будет такое убожество».

Я злилась, и мне не нравилось, что воспоминания о его словах так меня задели.

Я встала и подошла к окну.

Технически моим первым мужчиной был человек, которого я встретила два года спустя после истории с Якобом. Он был врачом по профессии и тоже был на много лет меня старше. В этот раз не было и намека на чувства между нами, хотя я уже была в том возрасте, который не является преградой для отношений. Ни о чём серьёзном между нами не было и речи, кажется, мы даже не скрывали друг от друга своего безразличия.

Это была ничего не значащая связь, первая из нескольких в тот период моей жизни.

Но это было позже.

За окном висело серое небо.

С той ночи, когда я вдруг вспомнила о Якобе, прошла неделя. Я посмотрела на календарь.

Мне казалось маловероятным, чтобы сам Якоб хоть раз за все эти годы вспомнил обо мне. На момент нашей встречи он был уже взрослым человеком, и в его жизни, должно быть, это был лишь краткий, ничего не значащий, эпизод.

Несколько раз, я помнила, он при мне называл женщин тварями: кажется, у него был не слишком приятный опыт, связанный с неверностью девушки, незадолго перед нашим знакомством. Быть может, и я, когда не пришла на следующую встречу, стала для него «тварью».

Некоторые подробности я совершенно забыла.

Например о том, что Якоб в прошлом был женат, и что он тогда лишь недавно развёлся; наверное, я в то время не придавала этому факту значения. Казалось, это было уже в прошлом. Он и его жена жили вместе восемь лет и развелись "из-за отсутствия детей" – так было написано у меня. Теперь я вспомнила. Он не сказал, кто потребовал развода, и я тотчас решила, что это был он и что он, должно быть, очень требовательный и даже жестокий человек. Его жена не смогла подарить ему детей, и он развёлся с ней – кажется, таким образом я представляла себе всё это.

Может быть, так оно и было.

У меня было написано: «развёлся недавно». И тем не менее я вспомнила теперь историю с неверной девушкой, и получалось, что после развода, к моменту нашей встречи, у него был ещё один неудачный опыт совместной жизни, сожительства, с девушкой, которая ему изменила, или даже изменяла, водила кого-то в их дом. Он назвал её "тварью". Обобщив, он сказал, что вообще все женщины – твари, потом, уже тише, добавил, что меня он к ним не относит. Его слова мне не понравились, но я ничего не сказала.

Время, когда я посчитала бы своим долгом открыто возмутиться в ответ, для меня ещё не пришло.

Я отошла от окна, села в кресло и закрыла глаза.

Я всегда считала себя умной, я училась лучше большинства, читала больше других, и потому мне стоило немалого труда заметить наконец, сколько раз, как часто, я понимала других людей совершенно неправильно. Я в целом, мне казалось, понимала главную причину своих ошибок и всё же ничего не могла с этим поделать. С тех пор как я начала это замечать, я потеряла уверенность в своей способности судить о людях верно.

Я перебирала в памяти слова Якоба и пыталась догадаться по ним, кто он был, этот Якоб, и что я на самом деле значила для него.

Возможно, объяснение было только одно, и оно было на поверхности: он дурил мне голову, он лгал. Возможно, ему было всё равно, что говорить.

Странно, что столь простому и очевидному объяснению я упорно не хотела верить.

Может быть, я невольно всё-таки поверила ему тогда и теперь не могла преодолеть или пересмотреть эту веру. И потому верила, продолжала верить ему сейчас.

Глава 6

В конце недели я должна была съехать с квартиры. В комнатах, уже почти оставленных, царил застывший хаос, какой бывает перед отъездом. Чужая мебель, теперь обнажившаяся, чем-то напоминала мне толпу свидетелей, соглядатаев. Доносчиков, быть может.

Весь день я пыталась уничтожить следы своего (а раньше – нашего с А.Д., бурного) пребывания здесь, но мне казалось, что по-прежнему следы – повсюду.

Я чувствовала себя измотанной.

Кажется, я давно жила на чемоданах, но теперь я возвращалась домой.

Кажется, это решение было неизбежным, давно созревшим. Очевидным, несмотря на всё моё сопротивление.

Ещё в пору моего детства и юности стало ясно, что в целом я и моя мать – мы можем ужиться друг с другом. Это был в то время словно бы тихий, едва уловимый намёк на то, что мы не только «можем», но и должны будем сделать это когда-нибудь.

В юности я порой мечтала, чтобы мои отношения с матерью стали невыносимыми, чтобы возникли между нами конфликты настолько острые, такие, чтобы они способны были раз и навсегда выбросить, выжить меня из родительского дома – сделать то, на что у меня самой не хватало сил. Я была слишком привязана к дому и не могла найти в себе решимости на разрыв с ним.

И тем не менее наши с матерью конфликты сглаживались, рассеивались, никогда не успевающая нагнетаться. Причины для возможной ненависти ускользали, утекали как песок сквозь пальцы. Все мои бунты заканчивались ничем. Дом принимал меня обратно.

Очевидно, должен был принять и теперь.

Я включила свет.

Моя старая тетрадь всё ещё лежала на столе, хотя все мои вещи, те, что я брала с собой, были собраны. Я открыла тетрадь и пролиставала её до конца. Записи заканчивались поздней осенью, когда никаких упоминаний о том, что произошло летом, в них давно не попадалось.

В тексте мне сейчас почему-то бросились в глаза орфографические ошибки, совсем школярские; рядом с ними многие подробности казались почти непристойными.

Я давно ничего не писала – ни о себе, ни о чём-либо ином, – но правила правописания за годы, что прошли со времён школы, успели превратиться для меня в нерушимый закон, в профессиональное рабство. Большую часть своего дня я редактировала чужие тексты, тексты людей вполне свободных от правил орфографии и пунктуации, и я невольно в этот момент почти завидовала этим людям.

Нагромождения чужих словесных конструкций, завалы слов, страницы текстов, где я перекладывала и переставляла слова, – вся эта территория языка, царство слов, для меня теперь было словно захвачено ордами чужаков, варваров, и мой собственный голос безмолвствовал. На этой истоптанной земле, мне казалось, уже не могло прорасти для меня ничего личного.

Я положила тетрадь на пол рядом с кроватью и выключила свет.

Я подумала: если бы я всё-таки взялась теперь писать о себе и о Якобе – может быть, писала бы рассказ – я, наверное, замаскировала бы Якоба до неузнаваемости; я сделала бы его, возможно, светловолосым и бледнокожим, и сделала бы его, наверное, моложе. Можно было

бы назвать это «преодолением материала», но на самом деле я постаралась бы таким образом хоть немного затушевать, затереть всю неуместность этой истории.

Я стеснялась быть рядом с ним даже в то время, и я до сих пор помнила это чувство стыда. Мне казалось, что все вокруг видят нас и осуждают меня, и старалась не смотреть по сторонам. Для меня самой его внешность и его происхождение имели мало значения, и это несоответствие внутреннего и внешнего казалось мне особенно унижительным, недостойным меня.

И всё-таки он был взрослый, он был «старый», и его внешность так сильно отличалась от моей, что нельзя было даже сделать вид, будто он мой отец или другой старший родственник. С «такими» мужчинами водились только самые испорченные и жалкие девчонки.

Кажется, я расслаблялась немного лишь тогда, когда нас никто не видел, когда мы с ним забредали на самые безлюдные аллеи парка.

Вряд ли я смогла бы тогда до конца преодолеть этот свой стыд.

Глава 7

Я ехала в метро, поставив дорожную сумку у ног.

Я была посреди города с вещами, и это не было похоже на возвращение из туристической поездки. Я везла с собой хрупкие домашние неприспособленные вещи – те, которые не должны были бы покидать стен дома. Это казалось мне странным теперь, как будто я только приехала в этот город и была здесь чужой и бездомной, была беженкой и переселенкой.

Это чувство было мимолётным, но мне хотелось удержать его, как иногда раньше порой хотелось удержать последние минуты неподнадзорности и свободы, когда я ехала на одно из случайных своих мест работы, вскоре уже – ненавистных мне, куда я устраивалась и откуда увольнялась спустя несколько месяцев или даже недель; я тогда старалась не думать о том, куда я еду, старалась хотя бы последние минуты, хотя бы немного ещё, в мыслях, побыть свободным человеком.

Теперь я ехала домой.

Большая часть моих вещей ещё оставалась в чужой квартире, и я боролась с желанием бросить оставшееся там. Вещи, казавшиеся мне когда-то нужными, которые я выбирала и покупала, когда мы с А.Д. были вместе, теперь не вызывали во мне ничего, кроме чувства усталости. Я не хотела ими владеть. Я хотела о них забыть.

Поезд мчался через тоннель, в окне, в мелькании огней, я видела своё лицо, неподвижное, застывшее и бледное.

И в детстве, и подростком я была стеснительной и тихой. Молчаливой. Ничем не примечательной, во всяком случае, внешне.

В школе я была незаметна, и в классе на меня никто не обращал внимания, я терялась среди более ярких девушек. Но Якоб этого не знал, ему не было до этого дела. Он считал меня красивой, я ему нравилась. То, что так не нравилось мне во мне самой – кажется, это его как раз и привлекло.

Уже тем летом я стеснялась того, что выгляжу скромной.

Потом, в старших классах и после, я тратила много сил, чтобы не выглядеть так просто и блёкло. Скромность и робость казались мне язвами, которые нужно было скрыть во что бы то ни стало.

Я помнила, как два года спустя я познакомилась с тем человеком, врачом, который вскоре стал моим первым мужчиной.

Он мне сразу не понравился, и внешностью, и тем, как он держал себя со мной. У него была какая-то насмешливая и полная лёгкого презрения манера держаться, и я тоже стала насмехаться над ним в ответ. Его это не обижало и не выводило из себя. Помню, мы дошли до какого-то парка. Совсем близко, на соседней аллее, был павильон с напитками и едой, и он, хрустя гравием, направился туда, оставив меня на скамейке. Перед тем как уйти, он сказал, что, наверное, уже не застанет меня тут, когда вернётся. Я, конечно же, собиралась сбежать, но после его слов осталась и дождалась его.

Я не сбежала, как мне кажется, не потому, что он так уж сильно задел моё самолюбие, с лёгкостью разгадав мои намерения. Скорее, в тот момент я играла роль, и эта роль требовала от меня – как мне казалось – такого поведения. Помню, что я смеялась не переставая. Я играла роль легкомысленной и беспечной девушки, должно быть, немного пропащей.

Этого моего смеха, кажется, хватило до третьей нашей встречи, и он тут же бросил меня, как только я перестала смеяться.

Может быть, такое с девушками не так уж и редко случается: когда они притворяются не такими, какие они есть. Эта роль была не единственной, потом я играла другие роли, разные, и совсем не похожие на эту. Даже А.Д., знавший меня совсем недавно и, казалось бы, знавший меня хорошо, считал меня совсем другим человеком, такой, какой я хотела казаться.

Я и теперь постоянно ловила себя на мысли, что не знаю, как должна реагировать даже на самые простые столкновения с реальностью, не знаю, кто я и какая я есть. Словно я всё ещё боялась, что меня разоблачат.

Я смотрела на своё отражение в оконном стекле. Деталей было не различить, только очень бледное пятно лица, тёмные провалы глаз.

Я подумала: Якоб заметил меня такой, какой я была на самом деле. Какой, наверное, и осталась.

Странно было думать, что я была настоящей, когда была незаметной, молчаливой и блёклой, такой, какой я себя так не любила; странно было думать, что это не противоречит моей природе, как я считала долгие годы потом. Скорее, хотела считать, чем считала на самом деле – стоило признаться себе в этом наконец.

Можно было, наконец, перестать бороться с собой.

Глава 8

Листья – ещё зелёные, когда я выглянула из окна нашей комнаты в день своего возвращения домой – начали желтеть, и осень за последние дни заметно повернула к холодам.

Я слышала, что моя мать на кухне, слышала звуки телевизора.

Я отошла от окна.

Эти две недели были похожи на бесконечный парный танец – существование вместе с другим человеком на тесном отрезке пространства.

Моя мать, мне казалось, была рада моему возвращению и старалась освободить для меня место, сделать так, чтобы я не чувствовала здешней тесноты. И тем не менее я всё время невольно знала, где находится и что делает моя мать, краем сознания отмечала её перемещения, подстраивалась под её дневные ритмы, находилась с ней в постоянном, непрерывном взаимодействии, которое не прерывалось, даже если мы молчали. Даже когда кто-нибудь из нас спал.

От этого танца порой можно было сойти с ума, даже если человек знаком тебе с детства, и ты привык к нему ещё тогда, в те годы.

Теперь я чувствовала себя слишком большой, слишком чужой для этого дома. Я словно бы не влезала в него.

Иногда я выходила в город без всякой цели или брала с собой работу, чтобы делать её где-нибудь вне дома – в читальном зале библиотеки или в кафе соседнего торгового комплекса, где можно было часами сидеть с одной чашкой кофе, не привлекая к себе внимания; иногда я сидела в кафе с открытия до начала дневного наплыва людей, даже и вовсе ничего не заказывая. Денег у меня почти никогда не было. Эти скитания по району и по городу, эта неприкаянность, напоминала мне мои школьные годы, когда я пропускала занятия или просто не хотела возвращаться домой и часами без цели бродила по улицам.

Я подолгу бродила по городу и тем летом. Кажется, пешая ходьба стала для меня своеобразной формой жизни, я жила в движении, перемещаясь по городу в произвольных направлениях, согласно интуитивным маршрутам, и на ходу думала, мечтала, даже сочиняла что-то. Пространством я отмеряла время, и мои передвижения по городу, кажется, не имели иной цели; больше мне некуда было себя деть, и я растворяла себя в движении.

Когда я повстречала Якоба, я тоже совершала движение по одному из своих бесконечных маршрутов. Я шла, и это было моё обычное состояние, это больше нельзя было даже назвать занятием.

Глава 9

Иногда чтобы прояснить для себя что-то, мне нужно было созреть. До определённого момента я могла жить иллюзией, пребывать в иллюзии, даже отчасти сознавая, что это иллюзия, но не стремясь прояснить ситуацию для себя. Потом, в какой-то момент, желание знать правду перевешивало.

Я зашла в торговый комплекс, поднялась по эскалатору и села за один из свободных компьютеров, стоявших в коридоре перед освещённой витриной книжного магазина. Снаружи лил дождь, по тротуарам стекали потоки воды, машины со включенными фарами неслись сквозь дождливые сумерки, поднимая фонтаны брызг. Пока я шла сюда, дождь промочил меня насквозь.

Я оплатила полчаса и вышла в интернет.

За соседними компьютерами несколько мальчишек, здешние завсегдатаи, играли в компьютерные игры; до меня долетали звуки стрельбы и стук их пальцев по клавиатуре, но между собой они не разговаривали, кажется, они были полностью поглощены игрой.

Кажется, долгое время, почти втайне от самой себя, я думала, что Якоба могли посадить из-за меня. Может быть, мне нравилась эта мысль, может быть, она мне льстила, и я не слишком стремилась выяснить правду. Задним числом это казалось не столь уж важным. Может быть, подспудно я боялась разочарования.

Кроме того, не думаю, чтобы мне часто за все эти годы попадался в руки уголовный кодекс.

Так или иначе, правда разочаровала меня даже сильнее, чем я могла ожидать.

Уголовный кодекс всё называл своими именами. Мой возраст в тот год был «возрастом добровольного согласия»; я наконец произнесла и другие слова: «интимные манипуляции» – так называлось то, что было между нами, он «склонял меня» к интимным манипуляциям. Я подумала: всего лишь один случай из многих и многих между взрослыми мужчинами и несовершеннолетними, будь то юноши или девушки; девушки чаще.

Но как бы это ни называлось, в этом не было ничего подсудного.

Мне было достаточно лет, и это не было насилием.

Я подумала: всё правильно. Я тогда даже не чувствовала себя ребёнком, я чувствовала себя женщиной, я не считала себя жертвой.

В коридорах торгового комплекса гуляли сквозняки, стыли промокшие ноги. В углу экрана мигали цифры: моё время закончилось; я встала из-за стола.

За окнами молчала ночь.

Около четырёх утра, оторвавшись от монитора, я посмотрела в окно. К соседнему дому, беззвучно мигая огнями, подъехала скорая. Я потёрла ладонями лицо, глаза болели от напряжения. Машина скорой помощи стояла у подъезда, мигалки были включены, но никто не выходил. Это было похоже на фильм без звука.

Надо было лечь спать, но я не находила в себе силы выключить компьютер, погасить свет и остаться наедине со своими мыслями.

Всё казалось мне теперь неприятным, банальным и обыденно-страшным.

Я даже не понимала, почему для меня это было важно.

В какой-то момент, я помню, он сказал, что накануне весь вечер думал. Я посмотрела на него с тревогой, и он добавил – о разнице в возрасте. Он сказал, что долго сомневался, но потом подумал, что будет ещё нестарым, когда я вырасту, и потому решил, что делать выбор должна я.

Кажется, в ответ я лишь пожала плечами; это было в самом начале нашего свидания.

Я вдруг подумала теперь (и это была неприятная, пачкающая мысль): может быть, он не думал в тот вечер, а выяснял? Может быть, он всё это выяснил ещё тогда, в тот вечер, и только потому и решил продолжить это дело со мной? Потому что знал точно – ему ничего не будет.

Я взяла тетрадку, пролистала назад, потом вперёд. Всё тот же почерк, всё те же детские глупости.

Закон – поправка к закону, о которой я прочитала – действовал четыре года, потом возраст добровольного согласия снова был повышен.

Когда поправка была отменена, мне было уже восемнадцать лет. Я была взрослая. Всё было уже не важно.

Теперь я сама была взрослой и знала, что даже этого порой недостаточно, чтобы сопротивляться давлению.

Я выключила компьютер, погасила свет.

Я не любила чувствовать себя жертвой, может быть, поэтому прочитанное произвело на меня такое тягостное впечатление. Я плохо чувствовала себя в ряду жертв. Я хотела выйти из этого ряда.

Я подумала: жертве нужна защита. Вряд ли у меня в то время была защита.

Глава 10

С матерью мы жили всегда довольно замкнуто. Кажется, у неё не хватало ни сил, ни желания ходить в гости или принимать гостей у себя. Когда она приходила с работы, она затворяла за собой дверь во внешний мир. Казалось, даже говорить по телефону было для неё непосильной работой, и к телефону в нашей квартире обычно подходила я.

Если звонил кто-нибудь из её подруг, я говорила, что моей матери нет дома, но иногда я всё-таки передавала ей трубку: до конца я всё-таки не могла поверить, что она совсем не хочет с ними общаться. Потому что сама я тосковала по друзьям.

Тем не менее, думаю, мне лишь в самом раннем детстве приходилось объяснять, почему к нам никто не приходит, почему к нам не ходят гости; позже я каким-то образом сама находила этому оправдания, думаю, постепенно запрет этот стал идти уже изнутри, стал частью меня самой.

Мне казалось, моя мать всегда была уставшей, и, когда я смотрела на своих друзей словно бы её глазами, я почти ненавидела их – такими шумными, такими праздными, такими бесчувственными и злыми они мне казались.

Я не могла привести их в наш дом.

Казалось, и меня одной для этого дома было слишком много.

Физически я даже в детстве была слишком большой, занимающей слишком много места в пространстве, по сравнению с матерью. Она всегда была хрупкой, кажется, в этом я пошла не в неё: во мне было слишком много плоти. Я думаю, я ощущала это тогда как физическую неуместность своего тела, и это было похоже на чувство вины.

Были годы, когда я завидовала тем детям, у которых были жестокие и властные родители, от таких, мне казалось, можно было как-то защищаться, от них можно было сбежать. Но невозможно было защищаться от того, кто на меня не нападал. Кто делал всё для меня и просто был несчастлив рядом.

Даже теперь я не решилась бы спросить у матери о её личной жизни в те годы; была ли она у неё? Своего отца я совсем не помнила. Я не помнила даже, чтобы когда-нибудь я спрашивала её о том, кто был мой отец и почему его с нами нет. Каким-то образом я знала только, что он жив и что о нём не надо задавать вопросы. Эти вопросы слишком смутили бы нас обеих.

Наверное, могло сложиться впечатление, что у нас с матерью не было близких отношений, но на самом деле это было бы неправдой. У нас были близкие, дружеские отношения, и раньше мне казалось, что мы с ней говорили обо всём на свете. Но получается, что о многом мы всё-таки не говорили.

Я вспомнила вдруг странный и дурацкий случай из того нашего времени. В двенадцать лет, за два года до истории с Якобом, меня отправили в летний детский лагерь – в первый и последний раз.

По случайности именно там у меня в первый раз – довольно рано для моего возраста, и совсем неожиданно для меня – начались месячные. Думаю, я даже не сразу поняла, что это такое. С удивлением я обнаружила, что, кажется, была единственной в отряде девочкой, которой мать не сунула в сумку прокладки "на всякий случай". Всё закончилось хорошо: мне разрешили не ходить на утреннюю зарядку, кто-то из девчонок в моей палате с долей зависти отдал мне свою упаковку прокладок, и пару дней подряд моё самочувствие интересовало всех вокруг.

Когда за мной в конце смены приехала мать, я тут же ей об этом рассказала. Мне кажется, что я и выложила матери эту новость вот так, с ходу, только потому, что отвыкла от дома, практически одичала за время этой смены в лагере, впервые уехав из дома так надолго.

Вместо ожидаемого весёлого переполоха, похожего на тот, что случился среди девчонок и вожатых в моём отряде, когда у меня они вдруг «пришли», я тут же ощутила густое смущение, повисшее между мной и матерью.

Гигиенические средства мне с тех пор регулярно покупались, но больше мы об этом не говорили.

Долгое время, должно быть, примерно до этого возраста, я ничего от матери не скрывала.

Когда у меня, наконец, появилось то, что нужно было скрывать, – я стала писать об этом в дневнике.

У нас по-прежнему царил мир. Я не лицемерила и почти не притворялась. Но всё тревожащее, всё волнующее и всё, что было мне в то время по-настоящему дорого, я переносила в свой параллельный мир. Прибавляла к тому, о чём мы никогда не говорили.

Мне казалось, что только за счёт этого я и существую как отдельная единица. Я старалась наполнить этот свой параллельный мир, чтобы он не исчез, чтобы его створки не схлопнулись, как створки раковины. Эта сфера невысказанного словно бы стала моей единственной защитой от исчезновения. От растворения в том, что называлось «мы».

Теперь всё это давно было в прошлом.

Но, возможно, для меня прошлое так никуда и не ушло.

Один французский философ считал, что жизнь непрерывна и что человек в каждый момент своей жизни представляет собой сумму того, что он пережил, является живой совокупностью своего опыта, своей эволюции, и «прошлое» является той материей, из которой он состоит. Из этого положения он делал интересные выводы, но главное – этот философ тоже считал, что прошлое никуда не уходит.

Мне кажется, я никогда раньше даже не пыталась преодолеть последствия своего детства, по-настоящему оставить его позади, стать независимой от него.

Долгие годы, мне кажется, я старалась просто не быть собой, отбросить себя полностью и быть другим человеком.

Теперь я снова вернулась в этот дом. Это было поражение, в каком-то смысле я была сломлена теперь, раз вернулась сюда. В моей жизни не было сейчас ничего. Как река, моя жизнь словно бы временно пересохла, и, наверное, поэтому я так глубоко погрузилась теперь в воспоминания о событиях, которые произошли очень давно.

Возможно, я искала в Якобе зеркало, потому что он был первым мужчиной, который увидел, заметил меня. Возможно, я надеялась, что это зеркало отразило меня ещё до того, как я изменилась, до того, как я стала стараться быть кем-то другим.

Я подумала: но, может быть, Якоб и не видел меня.

Я откинула волосы со лба. Не так давно, в течение одной недели, в зеркале я нашла у себя несколько седых волос, их было всего несколько, три или четыре, и их стальной блеск был даже красив, но меня всё равно парализовало ужасом.

Я едва приближалась к возрасту Христа, я не могла начать седеть, пугаться было рано – в этом я могла себя убедить. И всё же это были далёкие позывные, первые вестники того,

что я не вечна, что и мой срок кто-то где-то отсчитывает и что когда-нибудь, совсем скоро, этот срок истечёт.

Мне казалось, я чувствовала в себе онемелость – высшую степень оформленности; и незаметно эта онемелость словно бы переходила в неподвижность, в каменность. В невозможность сдвинуться с места.

В невозможность заново прорасти ростками во внешний мир.

В какой-то степени теперь я чувствовала в себе способность любить гораздо большую, чем когда-либо. Однако это тепло словно бы уходило вглубь, становясь тайным жаром, вместо того, чтобы проявляться вовне. В это же время снаружи, я чувствовала, мне становилось всё труднее выносить чужих людей. Людей вообще. Всё труднее становилось приспосабливаться к ним.

Я каменела.

Та же «усталость», что когда-то завладела моей матерью, просочилась и в меня. Я теперь понимала свою мать. Я не чувствовала в себе сил начинать всё заново. Я чувствовала, что от меня осталось совсем немного.

Я, конечно же, выдернула те седые волосы, и с тех пор они больше не появлялись, но, очевидно, начало конца было положено. Жизнь истекала, молодость истекала.

Может быть, ещё и поэтому я вернулась теперь в этот дом.

Глава 11

Когда-то в детстве у меня была книга – должно быть, это была книга немного «на вырост», – и в ней, в качестве предисловия к прозаическому переложению «Илиады» и «Одиссеи», была статья о Шлимане и его авантюрных раскопках Трои.

В те годы я часто болела, меня постоянно водили к врачам, и я помню, как читала эту книгу, сидя на банкетке в полупустом коридоре поликлиники рядом с открытым окном, в которое лился солнечный свет и залетали порывы ветра. Я добросовестно прочитала вступительную статью и мне хорошо запомнилось, как Шлиман, копая жадно и спеша добраться до нижних слоёв археологического памятника, где он предполагал найти гомеровское поселение, смёл, не обратив на неё внимания, ту самую Приамову Трою, которую искал, и которая, как оказалось, залегала значительно ближе к поверхности. Я помнила, что эти археологические слои были помечены римскими цифрами, которые я уже знала, и что разрушенный Шлиманом слой гомеровской Трои носил название Троя VII.

Теперь я словно бы сама для себя стала тем Шлиманом, который разрушил свою Трою. Мне казалось, что моя Седьмая Троя погибла безвозвратно. Фреска осыпалась.

Я уже не могла вспомнить ни интонаций голоса, ни лица Якоба, не помнила даже своего впечатления от них, кажется, я уже не смогла бы даже отличить настоящие воспоминания от ложных, от фантазий, которые разрастались всё это время на их почве.

В каком-то секундном прозрении я вдруг увидела: вспоминать – это, всегда, разрушать.

Тот пласт времени в моей памяти был разрушен. Слои перемешались. Картина погибла. И только теперь, когда она погибла, стало очевидно, как бережно я хранила её все эти годы.

Наваждение того лета отхлынуло как море, оставив на песке мусор и мёртвых животных.

Однако я почему-то не могла оставить эту историю, не решив для себя последний вопрос.

Глава 12

Однажды, в другое время и в другой книге, в рассказе одной из поэтесс серебряного века, я прочитала, что человек несёт моральную вину за преступление лишь в том случае, если он сам в своём праве "усомнился" – и, значит, всё решает внутреннее сознание вины, то, сомневался ли человек в своём праве поступать так, как он поступил.

С Якобом мы так долго шли в тот день через парк внутри кремлёвской стены, а потом спускались по склону к реке, что многое успело произойти за это время – будто целая жизнь прошла, и мы с Якобом, войдя в ворота парка чужими людьми, мужчиной и девушкой, у которых было довольно формальное первое свидание, спустились, наконец, к реке, вышли из-под тени деревьев на залитый солнцем тротуар нижней набережной, став другими – взрослым женихом и его юной невестой, мы были вместе. Как будто время внутри парка, внутри кремлёвской стены, текло по-другому, и внутри прошло гораздо больше времени, чем снаружи.

Только на набережной наше свидание снова потекло так, как ему и было положено, и мы вернулись к разговору, может быть, даже впервые начали его, потому что приблизиться друг к другу среди слов и понятий, на вербальном уровне, нам было намного сложнее. Здесь между нами по-прежнему была пропасть.

Мне казалось, я помнила теперь, как Якоб сказал: "Четырнадцать? Ты говорила, что тебе пятнадцать?"

"Нет, я этого не говорила. Мне четырнадцать," – ответила я.

Он предположил, что, возможно, мне скоро будет пятнадцать.

Я ответила, что нет, и мне в июле, месяц назад, только исполнилось четырнадцать.

Если память теперь не подводила меня, получалось, что даже тогда он ещё ничего обо мне не знал. Может быть, накануне он думал, что я старше, может быть, думал даже, что мне скоро исполнится шестнадцать.

Теперь, когда я думала и думала об этом, словно бродя по кругу, это напоминало математику, алгебру: четырнадцать лет минус второй день, пятнадцать лет – плюс первый. Я теперь без конца что-то подсчитывала. Был ли он виноват? Ощущал ли свою вину?

Я знала свою тетрадку теперь наизусть – этого разговора, этих слов, там не было, и, значит, они сохранились лишь в моей памяти, а памяти своей я теперь не доверяла. В конце концов, прошло много лет, и ничего из этой истории я не старалась запомнить специально.

Мне казалось, это было.

Мы сидели на набережной, и он спросил: «А что твоя мама скажет, если я приду и скажу ей?..» Я не помнила его точных слов: «что я твой жених...»? «что мы с тобой встречаемся...»?

Я ответила не сразу.

Нешадно палило солнце. Набережная в том месте, где мы сидели, казалась необитаемой; речные причалы были далеко в стороне, и над нами на крутом склоне нависала часть стены городского кремля – в те годы наполовину разрушенная и заброшенная. Над широким проломом в ней высились заросли борщевика. В этом городе, мне запомнилось, были многие километры широких и безлюдных набережных, вдоль которых тянулись здания неработающих фабрик, казарм, и отвесные горы незастроенных склонов. Мы сидели с Якобом у самой воды, перед нами синела водная пустыня, и только далеко за рекой тянулось зелёной полосой затопляемое, тоже необитаемое, заречье.

Якоб снял рубашку, и тогда я увидела на его теле те самые рваные шрамы. Мне было жарко в моей одежде, но я стеснялась себя и не соглашалась снять даже жилет, который был на мне.

То, что Якоб заговорил о моей матери, о том, чтобы приехать к нам, вызвало во мне знакомую по детству панику. Я, наверное, пришла бы в ещё больший ужас, если бы могла принять его слова всерьёз.

Но, очевидно, я ему не поверила.

Я сказала, что всё, наверное, будет нормально. Это была ложь, но раз лгал он, то ничто не мешало мне подыграть ему в этой игре. Это была словно бы иллюзия того, что мы вместе, и говорим о совместном будущем. Мне ничего большего и не нужно было.

Во мне наконец кто-то видел женщину, больше того – присутствие рядом мужчины словно бы впервые делало из меня женщину, что-то большее, чем просто «я», к которому я привыкла, – и я не мешала ему рассуждать о детях, и о годах, что пройдут к тому времени, когда я закончу учёбу. Я была почти уверена в том, что он пытается меня обмануть, но это не обижало меня. Скорее, я воспринимала это как условность, часть игры, и готовилась к тому, что в нужный момент я просто должна буду дать ему отпор. Наверное, смутно я представляла себе этот миг как момент, когда Якоб сорвёт с себя маску и его настоящие намерения сразу станут ясны и очевидны.

Когда он заговорил о моей матери, быть может, во мне шевельнулось сомнение, но слова его звучали слишком неправдоподобно, правдой они быть не могли, и я лишь утвердилась в мысли, что он считает меня совсем глупой.

Всё это никак не влияло на моё отношение к Якобу. Я не думала о нём ни лучше, ни хуже, чем до этого. Наверное, я воспринимала это как норму, как естественное распределение ролей. Ему незачем было ждать именно меня столько лет, когда вокруг было много других женщин. Я это понимала, и мне казалось только, что он напрасно заходит в своей игре так далеко.

Я провела рукой по лицу. Часто мне казалось теперь, что сердце не даётся человеку с рождения, не формируется во внутриутробном периоде, а мучительно и долго растёт в человеке всю жизнь, постепенно подпирая и вытесняя к окраинам всё остальное. Я вспоминала теперь себя в то лето, и мне казалось, что сердца у меня не было вовсе, и там, где оно выросло и отяжелело потом, было тогда ещё пусто и легко.

Я смотрела в тот день на реку и дышала легко и свободно, огромными лёгкими, которые ещё ничто не подпирало, не прижимало к рёбрам, не вдавливало в рёбра.

Потом я снова вспомнила те выходные на даче у родственников, словно провал во времени, временной зазор, между этой, далёкой теперь, пятницей на набережной и тем понедельником, когда я не пришла на нашу следующую встречу.

Глава 13

Я вспомнила и другое.

Это было уже после того, как мы решили идти в кино.

При кинотеатре – кажется, в нём показывали в основном старое и «интеллектуальное» кино – было кафе, мы зашли в него, и я видела, как жадно он ест, и мне казалось, что в этот момент, пока он ел, я для него не существовала вовсе. Передо мной стояла чашка кофе. Своих денег у меня не было, и я постеснялась заказать что-то большее; впрочем, кажется, я не чувствовала голода.

Когда он покончил с едой, я отставила свой недопитый кофе и мы перешли в тёмное фойе; мы сидели друг напротив друга в глубоких неудобных креслах, и он снова спросил, может ли он задать мне вопрос.

Мы с ним не так уж много говорили, и в любом случае наши разговоры всё это время носили довольно формальный, почти условный, характер. На каком-то другом уровне наши отношения продвинулись довольно далеко, но когда мы сидели друг напротив друга и говорили, он был для меня всё тем же чужим взрослым мужчиной, что и в начале. Быть может, меня даже обрадовала эта просьба, потому что я не знала, как и о чём я должна говорить с ним.

Он сказал, что я, наверное, опять ему не отвечу. Потому что я почти на все его вопросы не отвечаю.

Я так не считала, но не стала спорить.

Он спросил: «Можешь ли ты представить?..»

Представить близость с ним. («Как я целую и обнимаю тебя», – сказал он.)

Он уже целовал и обнимал меня в этот день не раз, и хотя это было со мной впервые, я уже в какой-то мере успела к этому привыкнуть. Мне и представлять не надо было. Я кивнула.

«А тебе приятно думать об этом?» – спросил он.

Я не хотела отвечать – я не столько смутилась, сколько почувствовала в вопросе ловушку для себя. Я собиралась промолчать, но он не дал мне такой возможности. Он хотел, чтобы я ответила.

Почему-то я не могла соврать: то ли потому, что это и в самом деле была бы ложь, то ли потому, что я слишком хорошо могла себе представить, как обидно услышать, что кому-то неприятны твои поцелуи и объятия, неприятен ты сам. Я ответила:

«Да, приятно».

Почти тут же я добавила: «Но я не очень-то верю тебе».

Это было, пожалуй, самым искренним признанием, которое я сделала ему за всё это время, единственным искренним. В сущности, я в этот момент дала ему ключ к пониманию всего, что я говорила и делала все эти два дня.

Потом сказала ещё: «Мне кажется, ты вешаешь лапшу мне на уши».

Часть этого разговора была в дневнике, и это было дословное, точное моё выражение – я прочитала его и поморщилась.

Он спросил, зачем – по моему мнению – ему это нужно. Я попыталась уклониться от ответа, мне было стыдно об этом говорить. Я сказала, что не знаю.

«Зато я знаю», – сказал он.

Он назвал верную причину, очевидную, хоть и выразился куда грубее, чем это сделала бы я сама. «Так ведь?» – спросил он. Я подумала, что задела его, и ничего не ответила. Он сказал, что не стал бы тратить на меня время и силы, если бы ему нужно было только это. Сказал, что не стал бы подниматься и спускаться с большими ногами по всем этим холмам в городском кремле, чтобы развлечь меня. Если бы ему было нужно от меня только это. Что он

нашёл бы другую. И добавил: «Это невозможно доказать, ты сама это поймёшь. Если будешь чувствовать что-то ко мне».

Я почувствовала лишь, что он каким-то образом пристыдил меня. Я вспомнила: он действительно говорил про аварию, и про свои ноги – и я всё равно весь день бегала по этим склонам вверх и вниз, чтобы из какого-то детского тщеславия показать свою силу и ловкость.

(Он не жаловался, только ловил и целовал меня всякий раз, когда вокруг никого не было.

Я вспомнила: уже почти на самом верху, незадолго до выхода из этого зелёного лабиринта заросших дорожек и крутых полуразрушенных лестниц, я наконец остановилась и тяжело дышала, стараясь отдышаться раньше, чем он увидит это. Моё лицо пылало, и он, догнав меня, поравнявшись со мной, достал платок из папки, чтобы вытереть пот на моём лице; он вытер пот и поцеловал меня, нежнее, чем он делал это раньше.)

За весь день я ни разу не вспомнила про его ноги, и мне было стыдно. Я разозлилась на него за это.

Выходило, что он считал меня бесчувственной, эгоистичной, раз я забыла про его ноги и заставила его так много ходить.

И всё-таки больше, чем это, меня, кажется, задело другое. Получалось ещё, будто гулять со мной было для него едва ли не наказанием, которое он лишь терпел по каким-то причинам. В этот момент он подтвердил давние мои страхи: я постоянно боялась, что людям будет скучно со мной.

Извиняться я не стала. Я хотела промолчать, но потом всё-таки добавила:

«Но, возможно, ты просто хочешь поиграть со мной», – сказала я.

И это была второе и последнее признание, которое я ему сделала.

Он улыбнулся.

Он ответил, что уже не в том возрасте, чтобы играть.

Этот ответ прозвучал банально, пустой фразой, но, возможно, он говорил тогда правду. Вполне вероятно, он бы не стал бы заниматься ерундой и зря тратить силы. Теперь я была почти в том возрасте, который он называл тогда, и я тоже больше ни во что не играла. Но, возможно, дело было даже не в возрасте.

Я подумала: он видел войну.

Как и о многом другом, о войне я его не спрашивала. Я боялась, что он разыгрывает меня, что считает совсем дурачком, раз говорит мне о какой-то войне, и боялась вопросами выдать своё невежество, опозориться перед ним, утвердить его в этом мнении. Наверное, я могла вспомнить только две войны в двадцатом веке, две мировые войны. Что могла я знать о войне, которая тогда ещё совсем недавно была на его родине, всего за несколько лет до этого? О войне, что оставила те шрамы на его теле?

Вскоре, как в театре, прозвучал звонок, начинался наш сеанс, и на этом наша история закончилась. Больше разговоров между нами не было, были только прикосновения в темноте, которая сделала его для меня почти безмянным, безликим. Просто мужчиной.

Из кинотеатра мы вышли чужими людьми, и на следующую встречу я не пришла.

Глава 14

Долгое время мне казалось, что наши отношения прервались по случайности, по недоразумению.

Субботу и воскресенье, которые наступили следом за той пятницей, я провела на даче у своих родственников. Моя тётка уехала туда ещё накануне, но я специально задержалась в городе, чтобы встретиться с Якобом, и на дачу в субботу утром меня вынужден был вести младший из моих двоюродных братьев. (Он был почти моим ровесником, и мы в тот год сильно стеснялись друг друга; я помню, что за всю дорогу мы едва ли сказали друг другу больше трёх слов.)

На даче в те выходные собрались почти все наши родные из тех, кто жил в городе, но я никого не видела и не слышала, и для меня не было ни минуты, когда бы я не думала о Якобе и о том, что было между нами там, в темноте.

О том, надо ли мне идти на встречу с ним, я не думала. Я чувствовала, что не могу не прийти, что это сильнее меня. Кажется, я даже немного бредила от волнения и, когда наступил понедельник, я даже не могла смотреть на себя в зеркало, не чувствуя дурноты.

Возможно, ещё и по этой причине я оделась в тот день так странно.

На протяжении всей моей жизни я почти никогда не носила юбки, но этим летом почему-то носила, во всяком случае, я помню одну – в которой он меня и увидел впервые. В этой же юбке я была и на втором свидании. Почему-то я чувствовала, что он ждёт от меня именно такого образа, что он разочаруется, увидев на мне что-то другое, то, что я носила обычно; и я боялась увидеть его разочарование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.